

Письмо Нины Иосифовны Чарахчан

Педагогическому Совету
Гимназии Армянского
Московского Комитета
в г. Тифлисе

Только вчера я узнала, что пр. Инджикян удивляется отсутствию во мне самолюбия. Он, оказывается, думал, что я подам в отставку после его доклада, а мне в голову и не пришла мысль о возможности выходить в отставку в конце года, и это не потому, что у меня нет «так называемого» самолюбия, а потому, что дело я ставлю выше своего «я» и еще потому, что ни единой секунды не сомневалась в плодотворности своей работы.

Если же пр. Инджикян думал пригласить новую учительницу, хотя бы идеальную, то и она бы дала не больше моего, ибо оставшиеся полтора месяца до конца учебного года ушли бы на ознакомление с детьми. Это аксиома, против которой, я думаю, никто не может возразить. Вот потому, имея в виду, это последнее обстоятельство, я и забыла свое «я», продолжая посещать школу с намерением устно или письменно на одном из ближайших заседаний сделать дополнительный доклад об отчете пр. Инджикяна обо мне. Теперь же, когда я вижу, что присутствие мое поражает Инджикяна и быть может весь педагогический состав, я считаю необходимым скорее ответить педагогическому совету, на все то, что было сказано обо мне в отчете и потом уже, если совет пожелает, продолжать свое дело.

Но возникает вопрос: «Почему я своевременно не ответила?». По самой простой, но в высшей степени странной причине: «Не умею отвечать сейчас же! Не умею постоять за себя!». Так воспитана! Принципы, на которых я выросла: «Молчи – когда обижают. Терпи – когда придираются. Уходи – когда пристают. Подставляй левую щеку, когда ударяют по правой. На зло отвечай добром сторицею. Молись за врагов. И все в этом духе». Признаться, мне не было плохо от такого воспитания. Правда, меня не понимали и теперь не понимают. Я среди всех чувствовала себя особенной; не такой, как все. Мне это говорили очень многие, почти все, которые знают меня близко. Да и среди вас я оказалась не такою, какие вы все. Я умела все понять, все простить. Но тут получилась смешная картина; я не поняла самого простого: меня уничтожают, хотят, чтобы я ушла, а я прощаю и продолжаю сидеть на месте молча.

Тут уже явно «негативное влияние такого воспитания». Надо учить постоять за себя, когда не чувствуешь за собою вины! Это уже второй случай в моей жизни. До сих пор

судьба бережно охраняла меня от своих ударов. Первый удар я оставила молча и ушла, а теперь я не хочу уходить молча, и не могу уходить, потому что мне больно оторваться от моих детей, когда каждый из них составляет частицу моего мозга, моей души, моего сердца, когда я работала над каждым из них в отдельности.

В своем отчете пр. Инджикян отнял у меня все: я ничего не знаю. Ничем не интересовалась в педагогике. Не интересуюсь. Совершенно не знакома с новыми методами преподавания. Не понимаю и не стараюсь понять психологию детей-сирот. К делу не чувствую ревностного отношения. Не стараюсь подчиняться. Произвожу впечатление уставшего человека и в конце: я окончила буржуйскую школу и имела буржуйское учебное заведение. Этот последний факт был приведен, как я поняла пр. Инджикяна, исключительно как оправдание моему непониманию психологии детей-сирот и халатному отношению к ним. Он хотел этим смягчить свои удары.

Но не нужно даже задумываться над этим, чтобы почувствовать здесь удар еще сильнее, чем выше. Ссылкой на буржуазность отнимается у меня любовь к детям и знание элементарной психологии детской души.

Не знать психологии детей я не могла, потому что всю сознательную жизнь я занималась исключительно этим. Даже в период педагогической деятельности я большее место отводила психологии, чем методам. Я любила свое дело, потому что любила детей и очень серьезно приступила к своей работе.

Отнять у меня любовь к детям никто не может. Все наши горожане от мала до велика могут подтвердить это. Смолчать могут только грудные младенцы и столетний старец, который не узнавал и своих родных детей, живя с ними под одной крышей. Да и здесь в приюте это не может быть незамеченным. Пр. Инджикян только не видит этого. Но я его не виню. Он не имел возможности видеть это. И я должна сказать вам всем, что в отчете пр. Инджикяна я не нашла ни капельки пристрастия. Это его личное мнение. Личное впечатление. Он должен был быть немилосердным палачом, потому что он служит делу, а не личностям. Он защищает интересы общества, а не интересы отдельных личностей. Это его большой плюс, перед которым я преклоняюсь.

Но больно только то, что в нас он не видит или не хочет видеть общественных деятелей. На высоте своего положения он взял на себя право видеть в нас наемных людей. Не верит нашему искреннему желанию служить общественному делу также, как и он, и этим создает неприятную атмосферу **казенщины**.

Когда на первом, для меня, заседании я услышала замечания насчет опаздывания учителей, я была поражена. Как взрослому человеку можно делать такие замечания? Ведь если взрослый человек опоздал, значит на то есть основательные причины: трамвай,

отсутствие денег, слабое здоровье, плохое питание, нетопленная квартира, отсутствие обуви, стирка, уборка, да и вообще беспросветная судьба нашего учительства в материальном отношении. Ведь если пр. Адаян здесь как-то сказал, что не нужно нам никаких праздников, что в Европе, в Америке не празднуют никаких праздников и что нам нужно идти по их стопам, он совершенно упустил из виду, что европейские и американские учителя хорошо обеспечены материально, что в Швейцарии существуют годовые отпуска через каждые три года сохранением полного жалования, что в Америке учитель не имеет права иметь больше трех уроков в день при наличии 15 учеников в классе, а у нас учитель имеет не только 3 урока, а все 5 при составе 35, 40 а не то и 45 уч. в классе.

Так вот, не считаясь совершенно с ненормальными условиями нашей жизни, пр. Инджикян и видит недостаточно ревностное отношение к делу.

Со дня поступления сюда на службу, я пропустила семь дней (причем один день не должен входить в счет, потому что вы здесь не занимались, а нам об этом не было объявлено своевременно) (четыре дня сейчас же после рождественских праздников по случаю болезни, 10 февраля по случаю нездоровья, 11 февраля из-за позднего выхода трамваев из парка по случаю глубокого снега, 20 апреля по случаю болезни матери и 26 апреля потому, что была в поисках за книгой Янжуя «Новая американская школа»). Опоздывала я из-за трамваев на 5, 10, 15 минут несколько раз и 21 апреля опоздала на полчаса, потому, что очень устала: два дня подряд стирала до часу ночи (днем же бывала в детском саду) и не могла встать раньше 8-ми часов. Обыкновенно приходится вставать в 6½ - 7 часов, а ложиться не раньше 12-ти или часу ночи.

Вот то, что я пропустила в продолжении 5-ти месяцев.

Вот та причина, которая дала право пр. Инджикяну обвинить меня в халатном отношении к делу. Вот та причина, которая способствует видеть во мне уставшего человека.

Кстати должна сказать, что я целый месяц до Пасхальных праздников занималась с детьми и после обеда по 2, по 3, а иногда и по 4 часа в день. Занятия были не классные, а групповые, но тем не менее были.

Потом – «Не хочу подчиняться». Я никак не могу понять, что могло дать повод пр. Инджикяну так думать?

Разве только случай с пластилином? Я думала, что пластилин отнимается у нас. Чтобы спрятать его в архив; а не послала потому что знала, что в плохую погоду нам невозможно будет заниматься простой глиной из-за холода, из-за отсутствия воды. А потом, когда пр. Инджикян характерной своей запиской сообщил, что пластилин кому-то хочет дать, я ему

сейчас же послала, хотя и чувствовала, что пр. Инджикян не прав, самолично, без совещания хотя бы со мною, как преподавательницей лепки, отдавать другим такой дорогой материал. Этот пластилин был моей собственностью. В городе его нельзя приобрести. Случайно я проговорила Инджикяну о том, что у меня есть пластилин. Он стал меня просить продать. Я продала его только потому, что это приют. Я упустила из виду предупредить, чтобы в конце года мне его обратно продали, когда в нем необходимости не будет. Признаться, мне не могла придти в голову мысль о предупреждении, потому что продавая, я все время говорила пр. Инджикяну, что расстанусь с ним с болью в сердце и не предполагала, что в конце года от него останется что-нибудь. Я его выписала из Москвы еще в 1915 году. Здесь, в Тифлисе, еще тогда его не было, а потом и в Москве его не стало. Теперь я думаю, понятно, почему я осмелилась противиться распоряжению правления. Я даже хочу просить, чтобы мне его обратно продали, если есть возможность. Только этот один случай мог дать пр. Инджикяну право думать, что я не подчиняюсь ему. Может, я ошибаюсь. Тогда попрошу пр. Инджикяна напомнить мне эти случаи.

Говоря относительно того, что я ничего не знаю, ничем не интересуюсь, никогда не интересовалась, пр. Инджикян имел в виду рисование. Лепку, лучной труд и дисциплину. Относительно рисования.

До первого появления пр. Инджикяна ко мне на уроки, я вела рисование по желанию: кто что хочет и как хочет; наталкивала на мысль иллюстрировать сказки. Дети любят рисовать. Я им на дом карандаши давала, чтобы рисовали себе вдоволь. Мне нужно было, чтобы они приобрели «навык рисовать». Навык, на котором должна зиждиться последующая ступень рисования, т.е. обучение рисованию. Пр. Инджикян сказал «чтобы не было вольных уроков. Дети наши вышли из возраста марания». Я смолчала также, как на заседании. Не смогла ответить. Но тут уже была виною моя несамоуверенность: последние пять лет я ничего не читала относительно рисования (три года была в Ахалкалаках, когда все газеты и журналы перестали существовать и два года моей сапожной деятельности) и вполне понятно, что я могла усомниться в своих методах преподавания. Жизнь идет вперед гигантскими шагами; я думала, что Америка нашла более новые методы преподавания рисованию. И тогда мне очень уверенно и компетентно объявляют, что я не знаю приемов американского метода и советуют **внимательно** (я это особенно подчеркиваю, очевидно он думал, что я читать не умею) прочесть книгу «Новая американская школа» я приняла на себя это обвинение и даже почувствовала некоторое угрызение совести. Прежде чем приступить к делу, я должна была освежить свои знания в памяти. Я руководствовалась немного Буше, но только

немного, потому что я Буше принимаю только в определенное время, когда ритмические движения руки и восприятие глаза достаточно развиты.

Так или иначе я нашла с трудом рекомендуемую книгу и я снова почувствовала, что не я отстала, а пр. Инджикян и пр. Вагаршак не читали этой книги, а если и читали, то плохо поняли или пропустили то, что касалось преподавания рисования в детском саду.

Там красной нитью проходит идея: «в детском саду не учить рисованию. Дети должны рисовать только то, что хотят и только так, как хотят. Не рисунок важен, а то чему научаются, а научаются они рисовать свою мысль, т.е. приобретают «навык рисовать». В каждой грубой линии, в каждой несовершенной форме первых рисунков находится мысль и чувство, явное выражение духовной жизни ребенка. Техника на этой ступени образования не имеет значения и не должна иметь место. Вот то, что говорится в «Новой Американской школе».

Вот то, что проводила у себя в училище и вот то, что я хотела провести в этом детском саду и провожу теперь вопреки замечанию пр. Инджикяна, основываясь на том, что это последний метод преподавания в Америке, на который мне указывали пр. Инджикян и Вагаршак.

Я совсем забыла, что у себя в Ахалкалаках я руководствовалась методом Либерти-Геда. Эта книга осталась в Ахалкалаках и я о ней совершенно забыла. Вспомнила только тогда, когда просмотрела «Новую Американскую школу».

Что же касается относительно того, что я ссылаясь на Беме совершенно с ним не знакома, так тут вкралось недоразумение: я не ссылаясь на Беме. Я действительно этой книги не знаю: я ссылаясь на Буше.

О лепке пр. Инджикян говорит, что не видит ничего художественного. Станным мне кажется желание пр. Инджикяна видеть в работах детских рук совершенство. На лепку я смотрю также, как и на рисование. Дети должны лепить то, что хотят и так как хотят. Тут роль учительницы заключается в том, чтобы она наталкивала на мысль иллюстрировать сказки, песни, виденное и т.д. Да, наконец, могу сказать, что дети мои изошрялись делать очень красивые тарелки, кувшины, птиц, змей, орнаменты, пока у них был пластилин, мягкий, легко видоизменяемый, хорошо поддающийся нежным рукам детей; он позволяет им делать те предметы, какие они задумывали. А когда пластилина не стало, дети уже потеряли интерес к лепке. Дети должны и могут работать только лишь хорошим материалом. А глина наша каменистая и песчаная. Сделать из нее хорошую глину одно время мешало отсутствие посуды. Потом отсутствие мешка, потом отсутствие определенного места, где бы можно было хранить глину, потом неимение определенного человека, который мог бы приготовить глину. Сама я не всегда имела возможность

приготовить ее. В общем все это вместе взятое отняло у меня возможность поставить лепку на должную высоту. Я сама недовольна постановкой этого предмета.

Да – я забыла: когда был пластилин и тогда были большие неудобства, а именно: малое количество его. На каждого ученика приходился маленький кусочек, из которого можно было сделать не все что хочешь, а сделанное на одном уроке приходилось разрушать на другом уроке.

Относительно ручного труда было сказано, что он не соответствует духу наших детей, он не целесообразен по отношению к этим детям, в нем нет творческого духа. Тут я становлюсь в тупик! Все то, что мы делаем в детском саду, имеет под собою строго определенную и давно принятую основу всеми педагогами, имя которой известно всему образованному миру. Предметы ручного труда у нас следующие: вышивание с выкалыванием, плетение, вырезание, сгибание, работа из семян и работа из ваты.

Выкалывание с вышиванием развивает терпение, наблюдательность, ловкость руки, умение управлять ими по желанию и умение доканчивать начатую работу. Плетение имеет целью, плюс к тому, что было сказано про выкалывание и вышивание, еще счет. Дети знакомятся с числами и даже выучивают на этом плетении сложение и вычитание в пределах 10. В этой же работе развивается чувство симметрии, знакомятся с названиями цветов. При помощи сгибания дети учатся различать сходные и несходные признаки предметов, получают элементарные понятия о геометрических фигурах, получают понятие о центре и т.д. Вырезанием дети научаются владеть ножницами. А все работы вместе взятые дают детям подготовку к трудовой жизни. Все эти работы требуют усидчивости, терпения, настойчивости, черты, необходимые в нашей жизни.

Что же касается того, что творчества мало – я молчу. Мало. Но тут уж вина не наша. Для творчества нужен материал, нужны инструменты. А у нас ни того, ни другого. Со страхом приходится тратить бумагу, нитки гарус, карандаши, крахмал. Со страхом приходится давать детям иголки, булавки, ножницы, ножи. Творчество на уроке в 30 минут не может проявиться. Детям нужно дать возможность сметь весь материал и все инструменты под рукою, что они в любой момент могли брать все что хотят. А что мы делаем? Дети с трепетом, после занятий, просят дать им бумаги, карандаш. Иголку, нитки, нож, ножницы. Чувствуешь, что хотят творить, знаешь, что должен дать все просимое, но не можешь. Страх потерять инструменты, которые стоят очень дорого и с трудом находятся, страх перед тем, что могут извести даром материал, не дает возможности идти навстречу справедливым желаниям детей. А если бы у нас было много денег, если бы мы жили в доброе в смысле экономическом старое время, когда только птичьего молока не было в продаже, мы бы не боялись потерять ножницы, не боялись сломать нож, не

боялись бы извода материала и остаться без него. Мы бы смело сказали: «пусть изводят! Только таким образом дитя может творить!». Вот причина, объясняющая отсутствие творчества в детях. На у нас было много исписанной бумаги, старых тетрадей. Нам из гимназий присылали. Дети вдоволь могли пользоваться этим материалом и потому в сфере сгибания могут поразить многих своим творчеством. Тут вы встретите целый птичий двор со всеми породами, от самых крупных до мельчайших, море с массой судов всевозможных величин, поразят вас массой жизненных предметов, орнаментов и даже трудной лягушкой.

Теперь относительно буржуйности.

Правда, я окончила одно из учебных заведений. Которое не всем было доступно. Но я поступила туда уже в пятый класс, когда была уже сознательна, это одно, а другое обстоятельство – это то, что я поступила туда уже в «революционное время». Революционный дух и туда проник. Манерность, вычурность уже отходили в область предания. Оттуда я только и вынесла плохого – это незнание жизни и страх в связи с большой застенчивостью перед людьми. Но что касается моей школы, то скажу, что в ней не было ничего буржуазного. Наряду с детьми богатых родителей у меня были дети совершенно бедных родителей, и эти бедные составляли 50%. А говоря «богатые родители» вы должны знать, что эти богатые родители были мелкие купцы, лавочники, фаэтонщики и все в этом духе: неинтеллигентные родители. Так что в сущности, дети здешнего детского сада не многим бы уступили тем моим детям.

Но мне приходилось иметь дело и с такими детьми, как эти. Я работала на общественной арене. Стояла очень-очень близко ко всем неимущим, знала всех неимущих в нашем городе, бывала в доме каждого из них. Меня знали все бедняки от мала до велика. Когда издали меня видели детишки, они радостно бежали к матерям сообщить, что «тетя Нина» пришла. Я ухаживала за больными, я готовила им обеды, я натирала их грязные тела лекарствами, когда было нужно. Некоторые смеялись надо мною, другие ценили, третьи удивлялись, а родители мои сердились и досердились до того, что я с ними поссорилась. Любовь моя к неимущим и к детям красной нитью проходит по всей моей жизни. Я свою первую молодость принесла им в жертву. Помню как меня еще в детстве называли «защитницей угнетенных». Меня долгое время дразнили этим, когда хотели рассердить. А теперь это стало моей отличительной чертой и почему пр. Инджакяну я показалась такой эгоистичной белоручкой, не знаю и понять не могу. Мне бы очень интересно было узнать, на чем он основывался, говоря это. Я думаю, только по внешнему впечатлению. Ведь в сущности он не знает меня по отношению к детям. Я уверена, что

сам он никогда не сделал бы того, что я делала: вытирать детям сопли, мыть грязное лицо ребенка непосредственно руками, целовать прыщавое лицо ребенка.

Да, наконец, если бы я была такой буржуйкой, я бы не пошла служить в такое учреждение, как приют, и в такое неблагоустроенное, как наш детский сад. Не думайте, что безработица меня сюда пригнала. Это вышло совершенно случайно и вопреки моему желанию. Я не хотела учительствовать при наших ненормальных условиях. Я все время говорила, что теперь учительствовать должен только тот, кто имеет средства. Учительство слишком трудное дело и слишком ответственное дело. Учителю нужен здоровый дух и здоровое тело; а при нашем безденежье и при ненормальной дороговизне ни тела здорового не можешь иметь, ни духа.

Говоря о буржуйности пр. Инджикян вспомнил мое предложение проходить и русский язык в детском саду. Он видел в этом тенденцию к буржуйности. Но я предложила ввести этот язык не как отдельный предмет преподавания. Я против обременения детских мозгов насильственным образом. Я предполагала свободные разговоры во время перемены, во время уроков, когда это было удобно как удовольствие и как разнообразие, а имея в виду быструю восприимчивость в их возрасте, я и хотела воспользоваться моментом. Лишнее знание никогда не помешает. А если дети и уедут в Эрзерум, как говорил пр. Ерванд, то и там он мог им пригодиться. Пусть вспомнят тот характерный рассказ Альбарцума Тер-Гукасяна на елке о том, как ему пришлось иметь дело с одним русским солдатом. Когда замена одной согласной другой настолько изменило слово, что нельзя было понять друг друга в самые патетические минуты жизни.

Тут я нахожу своевременным объявить вам всем, что я в корне осуждаю существующую школу. Я не могу примириться с путем учебных программ, с путем втаскивания детского духа на прокрустово ложе программ, на котором по мнению его исполнителей да отсекутся те или иные детские способности, те или иные детские творческие силы, лишь бы были исполнены программы, которым приносится в жертву истинное, полное, всестороннее творческое развитие, здоровый, живой, бьющий всеми соками молодой жизни рост детской души.

Пора уже придти к сознанию, что воспитание не только подготовка к жизни, но сама жизнь. Поэтому и процесс воспитания должен быть жизненным, органическим. Ребенок должен учиться только лишь тому, что дается ему без труда. То, что дается в раннем возрасте с трудом, вредно отзывается на здоровье ребенка, особенно на его нервной системе. Надо считаться с конструкцией физической и духовной жизни ребенка. А разве наши педагоги интересуются этим? Они заняты мыслью: «Сколько еще можно вдавить в голову ребенка? Как учить арифметике, географии, грамматике и т.д.», но

отнюдь не вопросом «**Как учить ребенка?**» Было бы целесообразнее подумать об этом и долго остановиться на этом.

На всем земном шаре есть только одна школа, которая занята этой мыслью.

В Северной Америке, в штате Алабама, в городе Ферхопе 31 июля 1913 года организовалась так называемая «Ферхопская Лига». Цель ее – поддерживать и пропагандировать школу, основанную Мариетой Джонсон, школу, занятую исключительно мыслью «Как учить ребенка». По мнению многих американских выдающихся педагогов, этой школе принадлежит будущее, или, как говорят американцы, она пришла, чтобы остаться. Большинство принципов, положенных в основу этой школы, не новы, но М.Джонсон применила их на практике, принимая во внимание новейшие данные по физиологии и психологии ребенка. Она говорит, что школа должна быть санаторией, где ребенок укрепляется во всех отношениях: из школы он должен выходить полный здоровья, полный инициативы, умеющий пользоваться своими руками, головой, желающий знать и делать. А у нас что делается? Каковы результаты нашего программного пути?! Однообразные поколения, с обрезанными духовными крыльями, рано иссушенными или искалеченными мозгами и нервами, без священного огня души, не могущие упорно творить, созидать лучшую жизнь.

Остается теперь наиважнейший для меня вопрос в педагогике – это вопрос о дисциплине в детском возрасте.

1. Вынужденное, пассивное послушание ослабляет характер.
2. Только те знания плодотворны, которые приобретены личным, одушевленным трудом ребенка.
3. Только то доброе дело ценно, которое совершено по внутреннему убеждению в его достоинстве.

Вот три стимула, на которых я основываюсь в вопросе о дисциплине.

Под словом «школьная дисциплина» пр. Инджикян понимает внешний порядок. Я никогда так не понимала дисциплину. Внешний порядок есть результат дисциплинирующей деятельности школы. Дисциплина должна исходить изнутри. Вот поэтому-то я даю детям в начале полную свободу, чтобы в свободе дети скорее показали себя, и мне скорее можно было узнать их слабые и сильные стороны. Наказаний, насилия никогда не учиняю, пока не знаю детей. Если пр. Инджикян так смело и без страха вывел из класса ученицу во время одного из своих уроков (он одно время имел у нас 2 ур. ручного труда), это еще не значит, что ко всем можно применять этот способ. Эта девочка требовала такого с ней обращения. Но ведь это простая случайность, что он напал на

такую: ему могла попасть другая душа, которая не простила ему никогда такой грубой выходки, на образование характера которой такой прием мог бы иметь большое влияние.

Я не умею быть такой смелой с детьми. Я лучше 10 раз прощу виновного, чем накажу один раз безвинного.

Я боюсь расслабить характер. А цель педагога создать человека с твердой волей, создать сильную, яркую индивидуальность. Потому к упрямым детям я подхожу со страхом. Упрямство есть залог сильного характера, только надо умело управлять им, чтобы оно не перешло в глупый, сумасбродный каприз. Всю свою педагогическую деятельность я работала над тем, чтобы выпускать в люди яркие, цельные типы. Потому внешняя дисциплина для меня никогда не играла роли и всегда в начале года она у меня страдает. В этом детском саду дисциплина у меня страдала еще больше, но это оттого, что мы не имели своего класса, занимались то в одном месте, то в другом, потом класс наш не топился, было очень холодно, дети были полуголы, в класс не могли заходить и не хотели. Насильно их водить не было нравственной возможности: жалко их было. Вот мы и маялись, пока пр. Инджикян не принял энергичные меры полспальни отвести нам под класс.

Я глубоко осуждаю все те строгие меры, которые применяются ко всем детям без исключения. Нет правил без исключения. Эти исключения должны быть. Пусть учителя не боятся подорвать свой авторитет уступкой ученикам в исключительных случаях. Пусть они не думают, что уступкой может страдать школьная дисциплина.

Яркий пример – поступок пр. Инджикяна с кудрявыми волосами одного из учеников. Он не хотел их снимать. Не хотел потому, что они были очень красивы; он их очень любил, и даже товарищи любили его волосы. Он их держал в чистоте и холил. Просил Инджикяна разрешить ему не снимать их. Не разрешил. Просил разрешить оставить хотя бы немного! Нет! Непременно под первый номер, говоря, что другие могут быть в претензии.

А он предоставил разрешение этого вопроса самим ученикам?! Ведь у нас училище на новых началах. Казалось, что вопрос этот могли бы они сами разрешить. А пр. Инджикян не хотел уступить разрешение этого вопроса кому бы то ни было. Раз решено на совете снять всем волосы, так это неопровержимый закон для всех без исключения. Совет не мог предвидеть такой исключительный случай! Я сама никогда бы не голосовала за снятие волос, если бы знала, что этот факт может причинить так много неприятности хотя бы только одному ученику. А пр. Инджикян ни перед чем не остановился, чтобы поставить на своем. Он систематически, каждый день приставал к ученику и в конце концов выгнал его из класса, чтобы с волосами не являлся в класс. Что оставалось сделать ученику? С болью

в сердце, с неприязненным отношением к требованию Инджикяна он принужден был это сделать. Но чего достиг Инджикян?! Ничего!.. От этого дисциплина у него не стала лучше, а со стороны пострадавшего и многих его товарищей создалось недружелюбное отношение к Инджикяну с сознанием громадной несправедливости со стороны власти имущего.

Такой педантично-прямолинейной я никогда не была и никогда не буду, потому что в принципе, в мозгу своих костей я против насилия над детской и вообще над душой кого бы то ни было. Вот та причина, благодаря которой пр. Инджикяну показалось, что я не имею понятия о дисциплине.

Но тут опять вина моя!

Я не умела вовремя сказать об этом! Нам и некогда было об этом говорить, мы были заняты программой. Я только и успела сказать, что вопрос о дисциплине это альфа и омега моей педагогической деятельности. Было в отчете сказано, что я обращалась к нему с жалобой на поведение некоторых учеников. Обращалась! Я обращалась также и к пр. Ерванду, и к пр. Левону, и к пр. Шушаник. А в начале, когда меня дети еще не признавали, я не раз обращалась и к пр. Мари[нрзб.] как к пользующейся громадным влиянием и безграничной любовью со стороны детей. Но ведь когда ребенок трудно поддается исправлению, прибегаешь к родителям, если они интеллигентны (к неинтеллигентным нельзя прибегать). А ведь и пр. Инджикян, и пр. Ерванд, и пр. Левон, и пр. Шушаник заменяют родителей и интеллигентные люди.

Не безгрешна я. Допускала и я непедagogичные приемы. Я возвышала голос. Я стучала изредка. Но тут уже нервы! Нервы от недоедания, от сознания полного своего бессилия хотя бы немного помочь родителям в материальном положении. В комитете денег не было; нам три месяца жалованья не выдавали. Приходилось приходить в клас голодной, не евши с обеда накануне, оставлять родителей без денег, не зная, будут ли они в этот день сыты; болезнь брата и отсутствие его заработка. Все это причины, не могущие не действовать на человека. Пр. Левон и пр. Шушаник, когда узнали о моем материальном положении, обязали меня приходить к ним по утрам пить чай. Я пользовалась одно время их любезностью. Но каково было мое душевное состояние? Нервы от этого не становились здоровее, и бывали минуты, когда я не могла сохранить себя в достойных рамках педагога. Но кто из вас безгрешен в этом отношении? Ведь и закон смягчает вину, если вина совершена в пылу запальчивости.

Вот все то, что я хотела сказать Педагогическому Совету Гимназии Армянского Моск. Комитета в ответ на доклад пр. Инджикяна обо мне. Пожелает ли Педагогический Совет оставить меня на месте, или найдет мое присутствие среди детей вредным, - и в том, и в

другом случае я прошу Совет приложить весь мой доклад к делу или совсем вычеркнуть отчет Инджикяна обо мне из книги.

Н. Чарахчиан

9 мая 1920 г.

Тифлис